

Татьяна Журженко

РОЗЫ, АПЕЛЬСИНЫ И... КОКА

ВО ЧТО ПРЕВРАТИЛИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

В ГЛОБАЛИЗОВАННОМ МИРЕ?

«Почему никто не называет победу боливийского президента Эво Моралеса революцией, хотя она имеет ряд общих черт с “цветными” революциями на постсоветском пространстве? Потому что, в отличие от политики “цветных” революционеров, направленной на признание западных норм и ценностей, левацкий национализм Моралеса бросает вызов сформировавшейся иерархии глобального порядка». Является победа Моралеса последней социалистической революцией XX века или новым вариантом ответа на социальную несправедливость, творящуюся за пределами заколдованного круга глобализации?

В боливийскую столицу Ла-Пас собрались люди со всей страны. Они музицируют и танцуют на улицах, их улыбчивые лица полны надежды и энтузиазма. Так они празднуют победу кандидата в президенты от левых, выходца из индейской народности аймара Эво Моралеса. Первый в истории Боливии президент — представитель коренных жителей и рабочего класса, он обещает новый старт стране, погрязшей в нищете и коррупции. «Мы победили, перевернув новую страницу в боливийской истории», — заявил он ликующим массам.

Во время телерепортажа из Боливии я испытала чувство deja-vu. Чуть более года назад такая же радость и энтузиазм царили на улицах моего Киева, где люди восстали против подтасовок на выборах и коррумпированной политической элиты. Они вышли на улицы, чтобы защитить свой выбор, и стояли днями и ночами на морозе, пока не добились победы. Как и боливийцы, они тоже верили, что наконец-то избран «народный президент», настоящий украинец.

Не будем касаться болезненного вопроса о том, что сегодня осталось от этих надежд. Мои соображения порождены дискомфортом иного рода, того, что связан с силой доминирующего дискурса и авторитетом политической экспертизы, навешивающей такие ярлыки, как «авторитарный режим», «демократическая оппозиция» и «мирная революция» на современную поли-

тику с целью продать ее публике. Если сопоставить события на Украине и в Боливии, вы поймете, что я имею в виду.

КТО ВЛАДЕЛЕЦ БРЭНДА?

Ни один обозреватель или журналист, описывая события в Боливии, не пользовался термином «революция», не говоря уже о таких эпитетах, как «бархатная» или «мирная». А почему, собственно? — можно задать наивный вопрос. То, что произошло в Боливии, не могло быть более «бархатным»: победа левого кандидата оказалась столь убедительной, что никто не оспаривал результаты выборов. И где найти лучший пример гражданского общества, чем крестьянское и профсоюзное движение, обеспечившее победу Эво Моралесу? Однако, в отличие от украинской оппозиции, боливийская скорее всего не проходила подготовку у западных инструкторов в неправительственных организациях и не получала западных грантов.

При всей нашей наивности можно также взглянуть на Боливию с геополитической перспективы и найти кое-какое сходство. Грузия и Украина в результате своих «цветных» революций покинули орбиту Российской империи. Можно сказать, что Боливия занимала аналогичное положение на задворках США. Нет, я не собираюсь ставить знак равенства между российским и американским империализмом. Косвенное правление США через конгломераты деловых структур и международные организации, подобные Всемирному банку, имело мало общего с неуклюжими прошлогодними попытками Москвы протолкнуть в президенты своего кандидата. Однако русские быстро учатся и уже продемонстрировали способность пользоваться экономическими механизмами для защиты своих интересов, как показал газовый конфликт с Украиной.

В отличие от вождей «оранжевой» революции, новый боливийский президент не дождался поздравлений из Белого дома. Напротив, госсекретарь США выразила свою озабоченность событиями в Латинской Америке. И у нее есть основания для беспокойства. В то время как «оранжевая» революция проводилась под лозунгами приобщения к западным нормам и ценностям, левацкий, оборонческий национализм Эво Моралеса бросает вызов всеобщим правилам глобального порядка, его сформировавшейся иерархии ценностей и приоритетов. Самым шокирующим было обещание Моралеса разрешить возделывание коки — растения, которое традиционно используется коренными индейцами как продукт питания и как источник кокаина. Защищая интересы крестьян, выращивающих коку, Моралес бросает вызов политике американского правительства и международных организаций, ведущих борьбу с наркотиками. Еще более существенно то, что Моралес поставил своей целью национализировать боливийскую газовую индустрию и другие стратегические секторы экономики, тем самым угрожая интересам транснациональных корпораций. Кампания Моралеса строилась на обещании ввести бесплатное здравоохранение и образование для народа и передать землю тем, кто ее обрабатывает.

Розы в Грузии, апельсины на Украине, тюльпаны в Киргизии стали символами недавних революций на постсоветском пространстве, особенно в глазах международной общественности. Однако поражает произвольность этих символов: они вызывают в памяти логотипы корпораций, а будучи подвержены стремительному обесцениванию, после окончания выборов быстро теряют мобилизующую способность. В детских садах подобная символика помогает детям запомнить свои личные тумбочки (яблоко у Маши, тюльпан у Кати). Грузинские розы и украинские апельсины выполняют ту же функцию в глобальном масштабе: они помогают международной общественности распознать далекие страны, прежде не существовавшие на ментальной карте, и пригласить их в цивилизованный мир. Добавьте в этот ряд символов листок коки — и вам станет понятна разница. Символ движения крестьян, выращивающих коку, более чем двусмысленен; в глазах Запада он становится по меньшей мере символом вызова.

ОТ «ТВЕРДЫХ» К «ЖИДКИМ» РЕВОЛЮЦИЯМ...

В качестве исторической параллели к событиям в Грузии (2003 г.) и на Украине (2004 г.), естественно, чаще всего называются «бархатные» революции 1989 г. в Восточной Европе, отмечавшие собой крах коммунизма как политической системы. «Бархатные» революции различались степенью консолидации политической оппозиции и уровнем гражданской активности и мобилизации масс. Для описания революций этого типа хорошо подходит неологизм Тимоти Гартона Эша «революция» — производное от «революции» и «реформы». Однако радикальность политических и экономических преобразований, начавшихся в 1989 г., и массовые выступления против коммунистической власти — достаточное основание для того, чтобы определить эти события как революции.

Назвавшись так, революции 1989 г. не ставили перед собой великих проектов или социальных утопий, в отличие от своих предшественниц. Их единственной целью было вернуться к нормальному социальному и политическому строю, иными словами — к рыночному обществу и либеральной демократии. В этом смысле «бархатные» революции стали символом новой исторической ситуации; они стали революциями после конца истории. Вместо того чтобы создавать новые альтернативы, они избавлялись от старых, неудачных. Возможно, их следует назвать «жидкими» революциями, так как они стали провозвестниками перехода к «жидкой современности»¹ в Восточной и Центральной Европе; иными словами, перехода от коммунистического правления и плановой экономики к плюралистической демократии и неолиберальному капитализму.

¹ См. Bauman Z. *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press, 2000. Выражаю благодарность Мике Верлу за ее предложение применить концепцию Баумана к «цветным» революциям.

«Цветные» революции на постсоветском пространстве в основном следовали этому шаблону, хотя вместо коммунистических режимов старого типа они бросали вызов коррумпированным демократиям, игравшим роль прикрития для олигархических элит, монополизировавших политическое и экономическое развитие. Во главе этих революций стояли наиболее передовые крылья национальных элит, понимавшие необходимость дальнейшей модернизации и вестернизации. Их политические программы обладали важным геополитическим измерением, т. е. они добивались от глобального сообщества признания своих стран рыночными демократиями. На практике это означало членство в европейских и трансатлантических структурах или по крайней мере тесное сотрудничество с ними. Новые революционные элиты выступали за более эффективную интеграцию в глобальную экономику, но в соответствии с западными нормами и под покровительством США и ЕС. Еще более важно то, что эти революции были порождением глобализованного мира: своим успехом они обязаны профессионализму местных неправительственных организаций с их международными контактами и финансовой поддержкой, а Запад немедленно приветствовал и признал их.

Как правило, в поддержку «цветных» революций выступала наиболее образованная и мобильная часть общества, прежде всего средний класс. Двигателем этих революций служил не только малый и средний бизнес, но и бывшая интеллигенция, научившаяся обращать в деньги свой социальный и интеллектуальный капитал. В целом этот социальный слой не выиграл от пост-советских преобразований и рассчитывает на улучшение своего положения в том случае, если правила игры станут более справедливыми. Средний класс связывает надежду на выигрыш с открытостью общества и экономики и с глобализацией.

Аналогично «бархатным» революциям 1989 г., «цветные» революции на постсоветском пространстве совмещали лозунги демократии и рыночного либерализма. Их целью было не отпугнуть иностранных инвесторов, а привлечь их; серьезное новшество для социальной революции! От новых революционных элит ожидалось, что они перестроят свои переходные общества в полноценные рыночные демократии. Иными словами, если задачей «твердых» социалистических революций был социалистический проект, который так и остался недостижим, то «жидкие» революции добились успеха, превратив людей в потребителей со свободой выбора как в политике, так и в супермаркете.

В «жидких» революциях рабочий класс не является политическим авангардом. Конечно, профсоюзы играют в них важную роль, а забастовки по-прежнему используются как политическое оружие. Однако гегемония рабочего класса осталась в XX в. — в эпохе индустриализма, ограниченной рыночной экономики и государства всеобщего благосостояния. Означает ли это, что идеи социальной справедливости, озвученные в XX в. рабочим движением, отныне устарели? Действительно, похоже, что сегодняшние «жидкие» революции понимают под справедливостью в основном честные выборы. Но это лишь часть правды.

По моему мнению, классическая идея о социальной справедливости неотъемлема от «оранжевой» революции и даже сыграла в ней мобилизующую роль. Как и другие постсоветские государства, Украина испытала на себе некоторые разрушительные последствия неолиберальных реформ последнего десятилетия, а именно неприглядную отечественную версию олигархического капитализма. Социальное неравенство и обнищание, наблюдавшееся с 1990-х гг., напоминает страны третьего мира. Однако требование социальной справедливости не озвучивалось традиционными левыми силами — коммунистами и социал-демократами, которым, очевидно, не по плечу вызовы «жидкой модернизации». Напротив, наблюдающееся в обществе глубокое чувство несправедливости, которая приписывалась переходу к капитализму, было мобилизовано антиолигархическим, квазисоциалистическим популизмом Юлии Тимошенко. Именно этот давно накопившийся гнев, а не только подтасовки на выборах вывел людей на улицы.

С другой стороны, похоже, что рабочий класс Восточной Украины выступает против Ющенко по квазисоциалистическим мотивам: в первую очередь это страх перед неолиберальной реструктуризацией угледобычи и тяжелой промышленности. Шахтеры Донбасского региона предпочитают местных олигархов и «красных директоров» воображаемым и реальным опасностям глобализации, представителями которой являются Ющенко и его союзники. Хотя «оранжевая» революция не обещала социалистической альтернативы, идеи равенства и справедливости вдохновляют многих украинцев в обоих политических лагерях.

...И СНОВА

К «ТВЕРДЫМ» РЕВОЛЮЦИЯМ

Те, кто помнят портреты Ющенко в стиле Че Гевары на футболках украинцев, и те, кто видели громадные портреты Че на улицах Ла-Паса, поймут то, что я хочу сказать. Даже такая политика цитирования демонстрирует, насколько разными были события на Украине и в Боливии. Собственно говоря, они, вероятно, принадлежат к двум различным парадигмам — постмодернистской и модернистской. В модернистском мире духовных вождей революции воспринимают всерьез. Но совсем иное наблюдается в «радужном мире» постмодернистских революций: плакаты Леха Валенсы на улицах Киева представить себе невозможно.

Эво Моралес ссылается на Фиделя Кастро и прочих латиноамериканских революционеров как на своих предшественников. Если то, что произошло в Боливии, можно назвать революцией, то это была социалистическая революция рабочего класса, которую в классическом стиле поддерживали беднейшие и самые маргинализованные слои населения. Из Европы это выглядит невероятным анахронизмом, пробуждающим ностальгию в душах некоторых пожилых леваков. Возможно, Боливия действительно стала сценой для последней революции XX в. — такой, какая возможна лишь в бедной, маргинализованной и недоразвитой стране.

С другой стороны, в этой революции можно усмотреть призрак будущего. Боливия, ничего не выигравшая от глобализации и ставшая жертвой неоллиберальной политики, уже давно вошла в XXI в. Ее политическая элита была не в состоянии представлять интересы нации, а разрыв в доходах между богатыми и бедными — один из самых больших в мире. Водные ресурсы страны приватизированы иностранными компаниями, которые завышают цены для местного населения, превращая для многих воду в недоступную роскошь, в то время как колоссальные запасы газа не помогают боливийцам ликвидировать нищету. Означает ли это, что социалистическая альтернатива вновь возникает в XXI в. как ответ глобальному капитализму, так же, как в XX в. она представляла собой ответ национальному капитализму?

У меня нет ответа — только вопросы. Однако мне они кажутся важными. Обязательно ли социалистическая альтернатива заканчивается твердым проектом насаждения социальной утопии? Происходят ли «твердые» революции в наши дни лишь на самой периферии «жидкой» западной современности? И кто говорит, что «жидкая современность» предотвратит кристаллизацию нынешних расплывчатых социальных конфликтов в новые «твердые» формы и структуры?

Но какое отношение к нам имеет боливийская революция, не вписывающаяся в наш цивилизованный ботанический сад с его розами и апельсинами? Европа может не беспокоиться, поскольку здесь эпоха революций XX в., очевидно, закончилась; экзотическая кока не растет в нашем климате. Евросоюз создавался как клуб победителей, а не проигравших в глобализации. Еще более важно то, что европейскую модель столь успешной и привлекательной сделали традиции социальной солидарности и классовых компромиссов традиции социал-демократии. Несмотря на нынешние разногласия в ЕС по поводу его конституции, расширения, благотворительного государства и т. д., он до сих пор эффективно защищает европейских граждан от риска глобального капитализма. Однако на периферии Европы (в таких странах, как Украина) граждане практически не в состоянии контролировать местных олигархов и транснациональный бизнес и могут лишь мечтать о европейских стандартах социального обеспечения, здравоохранения и охраны окружающей среды.

Украинский президент Ющенко, вероятно, никогда не встретится с Эво Моралесом. Он ездит в Давос и Вашингтон, а не в Порту-Алегри. Поэтому он наверняка не усвоит поучительного урока боливийской революции: невозможно построить нацию на растущей дыре между богатыми и бедными, на дыре, отделяющей народ от космополитической элиты, живущей на оффшорном бизнесе за счет широкой общественности. Кока не растет и на Украине. Но приспособятся ли к ее климату апельсиновые деревья, тоже пока неясно. Если Украина не сумеет воспользоваться возможностями, созданными «оранжевой» революцией, то кто станет следующим?

Перевод с английского Николая Эдельмана